

К 75-ЛЕТИЮ
Н. А. ОБУХОВОЙ

ЛУЧЕЗАРНЫЙ ТАЛАНТ

ИМЯ НАДЕЖДЫ АНДРЕЕВНЫ ОБУХОВОЙ сияло и продолжает сиять, как звезда первой величины, на столь богатом звездном небосклоне, именуемом искусством русского пения. Когда вспоминаешь великих русских певцов Шаляпина, Нежданову, Собинову, невозможно не подумать тут же о Надежде Андреевне. Ее имя можно назвать только в этом ряду, прибавив к нему по справедливости несколько имен великих русских артистов «другой профессии», в первую очередь Рахманинова, Ермолова, Станиславского, Качалова...

Как выразить словами непродолимое обаяние, исходящее от всего облика Надежды Андреевны, вовсе не только от ее голоса, нет, от ее явления, ее «повадки», попросту от всей ее сути? Слушая ее, каждый чувствовал, что это искусство настолько сродни природе, Природе с большой буквы, что оно родилось в таких глубоких пластах человеческой души, души, облеченной торжественно-прекрасной плотью, что тут неизбежно умолкло всякое «рассуждение», всякий анализ, всякий критический задор... Нет, самому матерому методисту-аналитику не удастся распознать и выразить словами тайну такой природы, — как не удастся мудрейшему физiku распознать все тайны физической природы нашего мира, — тут возможно только бесконечное приближение. Вот, например, все единодушно, что Обухова обладает единственным в своем роде грудным голосом, низкими нотами, бесконечно трогательными и волнующими слушателя; эти звуки, кажется иногда, исходят не от человеческого существа, но скорей свойственны «богиням», вроде Эрды из «Кольца Нибелунга» Вагнера, причем совершенно несущественно, что Эрда — альт, к тому же «богиня», перед которой трепещут даже обитатели Валгаллы, а

Обухова просто чудесная русская женщина, родная дочь своей страны, повествующая своим дивным голосом о своей Родине. Кто слышал ее Марфу в «Хованшине», тот ее никогда не забудет. Но в этом именно величии Обуховой как артистки, что она, будучи до мозга костей, «с головы до пят» русской певицей, умеет так воплотить образ испанки Кармен или польки Марины Мнишек (ведь и Мусоргский, изображая Марину, сочинял «почти» польскую музыку), что никто ни на минуту не усомнится в том, что ее артистическое дарование универсально, что все «стили» ей подвластны, — а это является уделом только очень больших художников, это именно роднит ее и с Рахманиновым и с Шаляпиным.

Когда я слушаю таких артистов, русских артистов, в моих разлетающихся мыслях почему-то неизбежно вспыхивает воспоминание о знаменитой речи Достоевского о Пушкине, о всечеловеке... Правда, ведь он говорил не только о величайшем гении русской поэзии, он говорил вообще о русском человеке, о его душевных качествах — Пушкин был для него только ярчайшим примером, высшим их воплощением.

Интернационализм в высоком понимании этого слова, который я усматриваю в искусстве больших русских художников, является наглядным примером, как бы «вещественным доказательством» известной и бесспорной истины, что возвыситься до интернационализма можно только через национальное. Или, говоря проще, кто крепко любит свой народ, тот способен полюбить и другой народ, он на пути к тому, чтобы стать «всечеловеком» (выражаясь словами Достоевского); кто свой народ не любит, тот уж, наверное, и другой народ не полюбит, он никогда не возвысится до чувства интернационализма, оно будет для

него пустым звуком.

Но я немного отклонился в сторону, думая об искусстве Н. А. Обуховой и тех, которых считаю сродни ей. О чисто вокальных достоинствах Надежды Андреевны, о ее высоком мастерстве в эти знаменательные для нее и для нас всех дни, наверное, напишет вокалист-профессионал. Мысленно уступаю ему место и перо. Но не могу не упомянуть о покоряющей теплоте голоса и исполнении Надежды Андреевны. Эта теплота окутывает вас с ног до головы, вы просто утопаете в ней, почти физически ощущаете ее, как будто в жаркий полдень лежите на траве в цветущем, благоухающем саду и в вашу голову приходят только мысли о радости и счастье, а в душе живет только одно добро, и ни крупицы злобы, неудовольствия или раздражения. Разве это не блаженное состояние? А рядом с этим — могучая сила, властность, я бы сказал, повелительность ее искусства, опять-таки напоминающая Рахманинова. Эта властность превращает вас в ее пленника и раба, но в отличие от всех остальных рабов — в радостного, счастливого раба.

А как она поет народные песни! Русские, итальянские, испанские, французские — всех народов! Вспоминаю один забавный случай: как-то я заговорил об этой стороне ее творчества с одним весьма строгим «высоколобым» музыкантом; я восхищался, а он возражал, находил, что это уже «на грани» искусства, слишком уж натуралистично, слишком уж «для публики», но потом вспомнил одну песенку, — строгость как рукой сняло, — он блаженно улыбнулся и сказал: а все-таки это было захватительно! И то, как Обухова

ва поет народные песни, очень похоже, как Шаляпин пел, например, «Персидскую песню» Рубинштейна! Некоторым моим ученикам, страдающим сухостью и холодком, я часто рекомендовал слушать запись «Персидской песни» (я лично совсем не люблю это произведение), чтобы понять, до каких пределов может дойти выражение обнаженного чувства, выразительности любой ценой, выразительности в самой превосходной степени, еще, шаг дальше, и грозит провал в прошлость, в бездну чувствительности, в слякоть цыганского ромansa, — но Шаляпин гениально доходит «до грани» и никогда не переходит ее, искусство остается искусством... То же делает и Обухова, когда поет народные песни.

* * *

Дорогая, обожаемая Надежда Андреевна! Я вас поздравляю с вашим славным 75-летним юбилеем, с вашей чудной жизнью, с вашим чудным искусством и благодарю за радость, которую вы дарите и дарите миллионам людей, в том числе и мне, грешному.

Генрих НЕЙГАУЗ.